

Локальность и глобальность. Самовоспроизведение социума

Азинцев Сергей Ефимович — профессор кафедры математических и естественно-научных дисциплин Рязанского высшего воздушно-десантного командного училища (РВВДКУ).

*Продолжение.
Начало см. в №4/2012*

Брак

Женитьба — это незаконченное решение несформулированной задачи поиска неизвестного [1].

Парадоксальность социума в том, что параллельно с действиями, объективно направленными против его собственного выживания, он занят самовоспроизведением, то есть ориентирован в будущее. Эта оптимистичная инерция присуща живому при любых условиях («базовая триада»). Здесь мы тоже видим непростые отношения глобального (социум) с локальным (индивид). Поскольку полагаться на подпорченные цивилизацией индивидуальные инстинкты опасно, социум культивирует любовь, используя образцы женственности и мужественности, косметики, фильмы и т.д. С другой стороны, ему требуется не трепетная «небесная» любовь, а земной брак с деторождением. Любовь он старается загнать «в стойло», хотя «локальное» к этому вовсе не склонно. Точно так же, как современное мышление уже не может удовлетвориться арифметическими действиями, чувства не останавливаются на физиологии, не ограничиваются и не удовлетворяются ею. Они развиваются и усложняются до такой степени, что оказываются порой вообще за ее пределами. Стоит любящим соединиться, то есть произойти тому, что было истоком и якобы целью, как эта цель часто начинает рассыпаться — не сразу, так позже.

Истинная цель любви — быть вместе до тех пор, пока хочется. Всякая любовь, как и любые новые конструкции, диссипирует, ее энтропия повышается. Невозможно бесконечно находиться на эмоциональном пике — возникает адаптация. Ну а если любовь заканчивается браком, то на этом, как известно, заканчиваются счастливые сказки. Брак — это чистой воды идеализм, проявляемый

либо одним, либо обоими (исключая брак по расчету): «В девках сижено — плакано, замуж хожено — выто» (Даль); «Несчастен фетишист, который тоскует по туфельке, а получает целую женщину» (Карл Клаус, цитируемый М. Гаспаровым). Многие романы построены как раз на семейной антилюбви и ее компенсациях, то есть в конечном счете на издержках, деструктурировании брака.

Любовь есть влечение, а стремиться можно лишь к тому, что от тебя отделено, чего нет, но может быть. Тут как с силой упругости при растяжении: чем дальше предмет, тем больше сила влечения (если он слишком далеко, то эта сила порой исчезает, как и при чрезмерном растяжении, когда упругая деформация переходит в пластическую). Поэтому когда цель достигнута, когда предмет влечения стал «своим», то стремление невозможно по определению: можно ли любить свою руку или свои губы? Мы касаемся лишь физической стороны любви (эроса), определяющей воспроизведение социума.

Брак как целое взаимодействует со своими частями по тем же законам, что и любое целое со своими. Предполагается, что супруги делегируют целому часть своей суверенности и специализируются в отношении общих задач,

а брак обеспечивает каждому из них большую устойчивость в социуме, подобно связке альпинистов, более эффективной и устойчивой в условиях гор, чем каждый в отдельности. Тем не менее зачастую «брак — это единство противоположностей, дрейфующих к противоположности без единства» (еще один афоризм автора). В идеальном варианте супруги становятся друг для друга неотъемлемыми частями, одновременно способствуя и выживаемости социума: взаимная поддержка, взаимная забота, рождение и воспитание детей и т.п. То же и в эмоциональном отношении: теплота, внимание, участие, спокойные физические удовольствия — сглаженные эмоциональные пики — эмоциональный комфорт. Если угодно, можно и здесь пользоваться термином «любовь», хотя это уже не то влечение, что свело нынешних супругов, не то острое, в какой-то степени даже разрушительное чувство, которое было в свое время очень далеким от эмоционального комфорта.

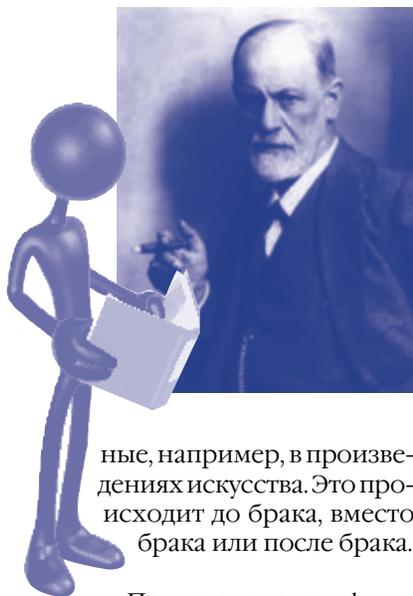
Если же вернуться к любви в ее исходном смысле, то при полной свободе ее окончание автоматически ведет к разрыву, что противоречит целям социума. Любовь, собственно, ему и не нужна: влюбленные совершают беспokoящие всех безумства, отвлекаются от работы, отвлекают других, матери-одиночки обременяют общество судебными издержками, домами ребенка, социальными проблемами и программами и т.д. Любовь ему требуется только как катализатор рождаемости с минимальными накладными расходами. В идеале он вообще поставил бы это дело на конвейер: стимул — чувство — брак — потомство — стимул, но с таким «сырьем», как человек с его локальными степенями свободы, наладить подобное производство не проще, чем систему управления.

Поэтому пока рождение в пробирке и общественное воспитание детей не стало повсеместным, социум прибегает к подравнивающему «под гребенку» институту брака, загоняющему влюбленных в репродуктивный тупик. Для этого он применяет не только «кнут» (нормы морали и др.), но и «пряник», воздействующий на саму свободу выбора и побуждающий к браку как бы изнутри (традиции, красивые церемонии, подарки и т.п.).

Свободным и экономически независимым влюбленным брак в принципе не нужен, не нужен часто и рождение детей. Союзником социума остается женщина: в ее «органику» он «вживил» стремление к браку, которое генетически восходит к временам ее слабости, уязвимости и экономической зависимости. Этому стремлению способствуют и внушенные нормы морали, подготовительные игры, общественное мнение и т.д. Нельзя не отметить, что такого рода социальное давление через понятия «ответственность», «долг» и иные влияет и на мужчин, хотя в гораздо меньшей степени.

Все это трюизмы, вспомнить о которых нас побудил специфический взгляд на отношения локального и глобального в контексте выживания социума. Они напоминают отношения на производстве, в администрировании, науке и т.д. Управляющая система социума стремится «загнать» любовь в «потенциальную яму» брака. Но как и в творчестве, наиболее яркие и сильные проявления любви, несмотря на препятствия и страдания (а в какой-то мере благодаря им), дают индивидуально и даже социально значимые всплески, воплощен-

ные, например, в произведениях искусства. Это происходит до брака, вместо брака или после брака.

По мере того как функции брака будет брать на себя социум (экономическая независимость женщин, технологии рождения, питания, воспитания детей и т.д.), роль брака может уменьшиться. В экономически развитых странах это уже просматривается: обеспеченные люди с трудом вступают в брак, делают это, например, из корпоративных соображений либо сохраняют только требуемый декорум. В киноиндустрии, большом спорте и шоу-бизнесе смена партнеров (даже без брака) считается уже не только нормой и законной пиццей массмедиа, но чуть ли не обязанностью лиц, действующих на таких «подмостках». Появились флуктуации в виде однополых браков, которые вообще уже не отвечают никаким интересам социума. Если добавить к этому распространение секса как развлечения, то есть проявления репродуктивной функции без ее реализации, то бедному социуму можно только посочувствовать.

Следует заметить, что все описанное относится только к технологически развитым социумам «западного» типа. В странах Африки и Юго-Восточной Азии отношение к браку и деторождению иное, в связи с чем наметились демографические сдвиги глобальных масштабов, однако их рассмотрение выходит за рамки нашей темы.

Воспитание

Пессимизм — корень прошлого. Оптимизм — ветвь в будущее [1].

Самовоспроизведение социума содержит не только биофизическую, но и духовную составляющую. Вся учебно-воспитательная часть жизни нового поколения — это встраивание в существующую «матрицу». При взгляде изнутри человеческий социум, как и пчелиный или муравьиный, живет дробной, локальной деятельностью. На уровне воспитания начинается «схватка» социального с локальным: «Воспитание и образование слишком часто приводят к уничтожению непосредственности и к подмене оригинальных психологических актов навязанными чувствами, мыслями и желаниями» [2].

С детского сада до университета... наше обучение... есть попытка разрушить правое полушарие и помочь левому.

По Фрейду, психологические проблемы личности родом из детства, где вынуждают подавлять в себе свободные интенции, вступающие в конфликт с социальными табу. С ним перекликается Ошо: «Все дети творческие. Мало-помалу мы разрушаем их творчество, навязываем неправильные верования, отвлекаем, делаем их более и более экономическими, политическими и амбициозными... Мы делаем 99% людей нетворческими... Все творческие источники... заткнуты, заблокированы, разрушены, и вся твоя энергия... силой направлена в деятельность, которую общество считает достойной оплаты... Деньги, власть, престиж — это... не только не творческие, но и разрушительные виды деятельности... Преуспеть в так называемом мире — значит, потерпеть глубокое поражение... в мире внутреннем... С детского сада до университета... наше обучение... есть попытка разрушить правое полушарие и помочь ле-

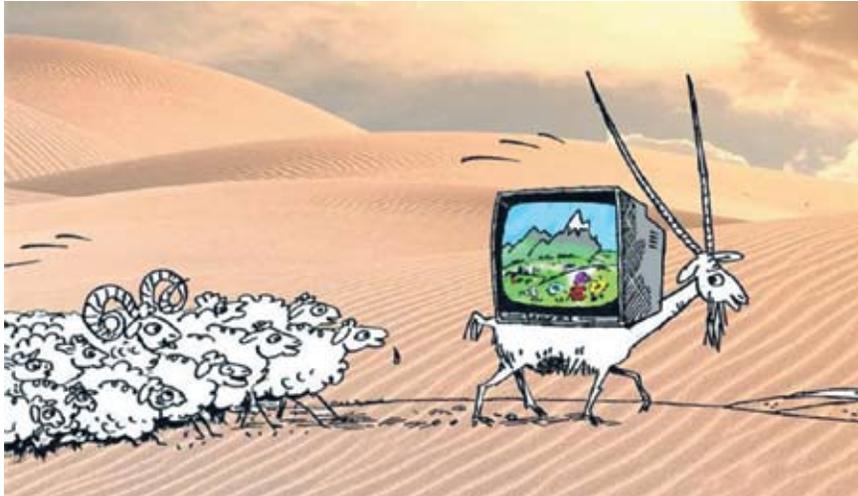
вому. Где-то между семью и четырнадцатью годами мы добиваемся успеха, и ребенок убит, ребенок разрушен... Он становится гражданином, учится путям дисциплины, языка, логики, прозы... Его больше и больше интересуют власть, деньги, он начинает думать, как стать более образованным, чтобы получить больше власти, больше денег, большой дом... он смещается» [3].

Любопытно оценить продуктивность этой критики на ее же авторе: сам Ошо не стесняется публично признаться, что ценит те самые деньги, которые он якобы презирает, ибо они дают свободу, «возможность не решать проблем нищеты». Это, мягко выражаясь, нетривиальное для проповедника признание странным

образом совмещается с предыдущим: автор пользуется плодами осуждаемой им же деятельности! Он ценит свободу от денег, тут же ценит деньги, которые дают ему свободу, и, несмотря на явное противоречие, чувствует себя свободным даже и от него!

Итак, социум приобщает новое поколение к «наилучшей стратегии». Для этого в индивидуальном сознании структурируют кластеры, обеспечивающие выживание в «искус-

ственной среде», а также репродуктивную трудовую деятельность в отведенной нише. Именно она востребована социумом, именно за нее он «расплачивается» точно также, как организм поддерживает жизнедеятельность любой клетки, а рой — жизнедеятельность пчелы. Это область наиболее широкого и значимого контакта социального с локальным. Многовековое воспитание не прошло даром. Эрих Фромм отмечает, как сильно сместилось индивидуальное сознание в сторону конформизма, обосновывая это природной склонностью человеческой психики к подчинению, растворению в массе и т.п. Этим он объясняет даже появление тоталитарных режимов: «Мы готовы вести себя в соответствии с ожиданиями остальных, мы внутренне боимся как-то отличаться от них... Многие мысли, чувства и желания мы воспринимаем как собственные, хотя на самом деле это не так... Хорошая приспособленность часто достигается лишь за счет отказа от своей личности... Индивид перестает быть собой, полностью усваивает тип личности, предлагаемый ему общепринятым шаблоном, исчезает различие между собственным «я» и окружающим миром... превращается в робота, подобного миллионным другим... Мы живем под влиянием иллюзии, будто мы самостоятельные индивиды... психологический робот живет лишь биологически, эмоционально он мертв» [4].

Этим «винтикам машины... хорошо накормленным и хорошо одетым автоматам» Э. Фромм противопоставляет весьма редкие проявления индивидуальной свободы, которые все еще почему-то встречаются у некоторых художников, ученых и философов, а также в чувстве любви. Однако оптимизма по их поводу он, похоже, не испытывает и не только ввиду их чрезвычайной редкости. Если для объяснения происхождения и проявлений «роботов» автор привлекает историко-социальные и психологические аргументы, то проявления свободы «повисают» без какой-либо научной, философской или исторической опоры — ничего, кроме эмоциональной оценки. Что ж, природную склонность к подчинению отрицать трудно. Большинство индивидуальных сознаний стабилизируется в той нише, где между внешними влияниями и внутренними направленностями устанавливается динамическое равновесие. Стоит из нее выпасть, и человек дестабилизируется. Типичный пример — пенсионеры, оказавшиеся вне привычной информационной среды, динамического стереотипа поведения и психологического давления социума.

Все реже индивидуальное сознание отклоняется от стандартов: функция их распределения по какому-либо социально значимому признаку становится все более однородной. Золотая середина, еди-

нообразие — это те характеристики индивидов, которые как нельзя лучше соответствуют цели управления социумом. Ему не нужны станочники, увлеченные археологией, и компьютерщики, отвлекающиеся на сочинение стихов: каждый должен с максимальной эффективностью делать свое дело, как в социумах США, Германии, Китая. «Винтики»... Такой социум подобен кораблю с хорошо пригнанными деталями. Он работает, как часы. Вот только характеристики корабля будут законсервированы, и капитан может вести его куда угодно.

Игра

*Логика — поступь сороконожки.
Озарение — прыжок оленя
через пропасть [1].*

На границах плоских функций распределения по многим социально значимым признакам находятся отклонения от «нормы» и проявления свободы тех индивидов, кто выскользнул из-под социального пресса. Мы уже отмечали их разнонаправленность, противоречивость и двойственность отношения к ним социума. С одной стороны, они чужеродны по отношению к матрице, с другой — являются катализатором развития социума.

Возможность таких флуктуаций тоже родом из детства. Сгибая, иссушая или вовсе отсекая слабые и неустойчивые ростки свободы, полигон воспитания закаляет и обогащает те из них, что выдержали, несмотря ни на что. Вероятность этого зависит от уровня самосознания, внушаемости, черт характера и т.д. Ростки свободы могут пробиться из-под асфальта «столбовой дороги» и позже. Фрейд отмечал, что вытесненное в подсознание может дать знать о себе не только невротами, но и творчеством: оно позволяет увести фантазии от болезненных симптомов, избежать невроза и вернуться к действительности. Уход детей и части взрослых

в виртуальный мир компьютера объясняется отчасти тем же. В игре якобы можно делать что угодно. На самом деле это иллюзия, которую сам же социум и насаждает — это еще один его стандарт. Крайние отклонения — от бомжей до сумасшедших изобретателей и диссидентов — социум отвергает, в самом гуманном варианте вытесняя их на обочину.

По Фрейдю, творческие устремления взрослых восходят к детским играм и страстям. От активной (сексуальной) страсти подглядыванию впоследствии отвечается страсть к познанию, от пассивной роли в играх — стремление к положению художника или артиста [2]. Обстоятельную классификацию теорий игры приводит С.Л. Рубинштейн [5]. По К. Гроссу, игра — это подготовка ребенка к дальнейшей серьезной деятельности, а у взрослых — дополнение к жизненной действительности и отдых. Л.С. Выготский и его ученики считают, что, играя, ребенок создает мнимую ситуацию вместо реальной и выполняет в ней роль сообразно тем переносным значениям, которые он придает окружающим предметам. Недостатки этих теорий С.Л. Рубинштейн видит в том, что в первом случае указан смысл игры, а во втором — структура игровой ситуации, но не вскрыты ни источник, ни мотивы игры.

Источником игры Ф. Шиллер и Г. Спенсер считают избыток сил, не израсходованных в жизни. Это, однако, не объясняет, почему такие силы выливаются именно в игру, к тому же играет, как известно, и утомленный человек, рассматривая игру как отдых. В отношении мотива игры К. Бюлер исходит из принципа функционального удовольствия. Однако эмоциональная окраска являет-

ся лишь производной подлинной мотивации. Фрейдистские теории видят в игре вытесненные из жизни желания, выражение недостаточности и неполноценности жизни, бегство от нее.

Сам же С.Л. Рубинштейн рассматривает игру как развитие ребенка, подготовку к будущей жизни, которую автор воспринимает несколько шире, чем другие: формирование не только навыков, но и всех сторон психики, воображения, мышления, эмоциональной сферы и т.д. В целом детские игры, по С.Л. Рубинштейну, — это первый этап такой подготовки, второй —

учение и далее — труд, от которого игра отделилась. Если же она «затягивается» (некоторые взрослые продолжают играть всю жизнь), то таким флуктуациям С.Л. Рубинштейн отводит только рампу, спорт, игру-ис-

кусство и т.п., которые остаются проявлением «неувядающей молодости». Здесь нет негативно-го оттенка, и все же «неувядающая молодость» звучит как забава и проявление некоторого инфантилизма.

Мы же к этим забавам относимся намного серьезнее: именно на них основаны озарения в трудовой деятельности, а значит, и развитие социума [6]. Ребенок обладает такими замечательными качествами, как всеобъемлющее любопытство,

живая энергетика, незашоренность прежним опытом. Все это плюс раскрепощенность в моделировании реальных объектов придуманными определяет повышенную вероятность творческих озарений. В своих играх ребенок интенсивно черпает из Бытия — взрослый же окружен барьерами, светофорами и указателями, необходимыми для выживания в искусственной среде. Постепенно плюсы творческой энергии ребенка прикрываются. Инстинктивное, органично присущее ему поведение подавляется, искусственная природа рассеивает творческую энергию. Не напрасно большинство прорывов в науке и искусстве происходит именно в молодые годы, когда не все слагаемые опущены, а энергия интенций преодолевает препятствия.

Помимо необходимой подготовки к жизни игра развивает воображение и вкус к поискам, формирует навыки духовной свободы — залог творчества взрослого человека. В сущности творчество и есть продолжение игры в том сознании, которое не удовлетворила утилитарная цепочка: игра как подготовка к жизни — учение — репродуктивный труд. У творческих индивидов детские игры и взрослая трудовая деятельность образуют петлю обратной связи: сначала предстоящий труд обогащает содержание детских игр, потом взрослый труд обогащается атмосферой детских игр. Игра — это не только вытесненный на подмостки инфантилизм, не бегство от невроза, а источник и форма проявления главного качества Homo sapiens — его творческого начала. Даже процессуально созидание подобно детским играм: так же создаются мнимые ситуации, вместо реальных объектов действуют их схемы, модели и образы, деформируемые и трансформируемые в зависимости от приписываемых ролей, а взрослый, словно играющий ре-

бенек, пребывает в атмосфере свободы творческого выбора.

Как и другие авторы (тот же К. Бюлер), З. Фрейд считает, что для реализации «принципа удовольствия» нужны новизна и острота: театральная постановка или книга во второй раз неинтересны [2]. Мы же полагаем, что это справедливо лишь отчасти. Творцу свойствен свежий и острый взгляд на обыденные вещи. Это важнейшая способность, позволяющая увидеть новое в привычном. Пьеса и книга второй раз могут быть весьма интересны. Зачастую плодотворными оказываются именно привычные ситуации, мимо которых обычный автоматизм проходит. Важно, чтобы человек сохранил детскую свежесть восприятия, способность удивляться тому, что всем кажется банальным. А. Эйнштейн на вопрос о природе своих достижений как-то шутливо ответил, что он просто туподум: то, что другим кажется очевидным, у него вызывает вопросы. Действительно, в процессе обучения он испытывал трудности, проваливался на экзаменах, однако в этой его шутке — только доля шутки. Чем более «накатан» сюжет пьесы, тем глубже и тоньше нюансировка, поддерживающая интерес зрителя, глубже и тоньше рецепция. То же относится к музыкальному произведению, сюжету живописи, закону физики и т.д. и т.п.

Заметим, наконец, что игра выполняет социальные функции не только в «высоком» творчестве. Хорошие педагоги стараются максимально приблизить учебный процесс к процедуре игр, что способствует локальным (онтогенетическим) озарениям.

«Что наша жизнь? — Игра!» — не такое уж и преувеличение. Игра реализует стремление к свободе выбора, разряжающей социальное давление. Что такое чтение художественной литературы, посещение музея, концерта, выступление на конференции или в суде, как не игра в образы? Любовные,

семейные, служебные отношения — те же ролевые игры по осященным сценариям. На свадьбах, похоронах, экзаменах, совещаниях, защитах диссертаций и просто в общении все носят театральные маски. Даже самые естественные и независимые из нас как минимум выражают не все, что думают. Трудно не привести здесь авторский афоризм: «Искренни дети, звери и актеры. Следовательно, искренни все». Но здесь для нас главное в том, что творческий инстинкт — это антагонист «базовой триады» в локальных проявлениях социума. Он сродни половому: здесь то же стремление оставить в социуме свой «наследственный материал».

Возможности самоорганизации

Искусство — это тайный способ извлечения тайной части правды [1].

Одной из немногих площадок, открытых для свободной взрослой игры, служит рынок. Конечно, экономические игры занимают узкий сектор интересов и воз-

можностей человека и доступны далеко не всем, но они не только значимы социально — это чуть ли не единственное явление глобальной самоорганизации. Уже сегодня взаимная диффузия компонентов рынка приводит к тому, что экономический подъем или кризис в одной зоне неизбежно сказывается на других, влияя в том числе и на системы управления разных стран. Рынок интересен еще и тем, что узаконенно учитывает частные интересы, включая «базовую триаду». Может быть, недостатки управленческих структур в решении проблем выживания глобального социума способны компенсировать рыночная самоорганизация?

Рынок — это диссипативная среда, одна из самых чувствительных и динамичных систем, отслеживающих дисбалансы спроса и предложения. Он не свободен от противоречий между объективными, «фундаментальными», факторами (ВВП, инфляция, соотношения сфер производства, индекс цен, занятость и т.д.) и локальными (спекуляции частных лиц и крупнейших банков, инсайдерская инфор-

Многие дефекты и неустойчивость ведут не к развитию, а к испытанию системы на живучесть.

мация, злоупотребления возможностями капитала, финансовые пирамиды и т.д.). Даже крупнейшие банки не свободны от злоупотреблений. Даже уважаемые рейтинговые агентства, живущие на отчисления компаний, вызывают подозрения: если отчисления одних больше, чем других, не влияет ли это на рейтинги и соответствующую реакцию рынка?

Рынок неустойчив: даже при отсутствии вынужденных причин он может внезапно стать волатильным под действием какого-нибудь «коллективного бессознательного». На него могут существенно повлиять скупка или продажа каких-то акций крупным игроком или «психологически важный» порог некоего биржевого индекса, хотя при чем тут, казалось бы, «магия цифр» или мнение пока еще не свергнутого с пьедестала очередного «гуру»? Здесь тот же «эффект толпы», где люди действуют неожиданным даже для себя образом, проявляя когерентное поведение в диссипативной системе. Толпа — это страшная

разом — сначала потребность, за ней — реализация, либо в обратной последовательности. Однако насильственные эксперименты по построению коммунизма или еще какого-либо «города Солнца» заканчиваются плачевно. Это показывает, что не только «базовая триада», но и другие проявления свободы воли проигрывают совокупности нейронов в отношении разумного структурирования целого.

Возникают и комбинированные варианты: внутренний политический кризис в сочетании с внешним вмешательством, бифуркационные смены режимов и т.п. На примере некоторых «цветных революций» видно, что «бессмысленным и беспощадным» может быть не только русский бунт. Незначительные воздействия политиков на чувствительные точки нестабильного социума («параметры порядка» диссипативной системы) могут привести не к его развитию, а к цепи бифуркаций с непредсказуемым финалом.

«Общество потребления» — это не эмоциональное, а управленческое определение.

сила, хотя психологически она много примитивнее психологии отдельной личности. Можно ли от такого объекта ожидать решений, разумно «эшелонированных» в будущее?

Рынок — явление всеядное и многокомпонентное: автоматическое вхождение в его самоорганизацию всех составляющих социума может приводить и к его превращению в криминальный «базар», отбрасывающий экономику назад (Россия 1990-х годов).

Надо сказать, что самоорганизуется не только рынок, но и другие составляющие социума, например политические системы. Это происходит либо естественным об-

Самоорганизации свойственно закреплять флуктуации с пониженной энтропией, в том числе тоталитарные режимы. Они стоят на активации худших сторон «базовой триады» (процветание за счет других, национализм и т.д.), порождающей устойчивые когерентные структуры в коллективном сознании. Они основаны на «перевоспитании» взрослых средствами массовой информации, каторжным трудом и смертью (полпотровский режим в Камбодже, Культурная революция в Китае, Освенцим, ГУЛАГ и т.п.) и «инкубаторном» воспитании детей. И все же в исторической ретроспективе самоорганизация порождает важные для глобализации интегративные тенден-

ции: международные соглашения о ценах (например, на энергоносители), нивелирование границ транснациональными корпорациями, взаимная чувствительность бирж, движения типа «окупируй Уолл-стрит», вмешательство центральных банков в дела разных стран и т.д.

Бизнес становится глобальным. Нефтеперерабатывающие заводы Европы зависят от добычи легкой нефти в Северном море и Западной Африке, цикл появления нового изделия (идея — менеджмент — технология — производство — реализация) может охватывать весь мир и т.д. Возможно,

такие явления в сочетании с кризисами могли бы постепенно привести мировую экономику к стабильной и «бесшовной» форме, однако это процесс не только длительный, но и противоречивый.

Соглашаясь с тезисом «рынок всех рассудит», мы, тем самым, соглашаемся и с его функциональными сдвоями, нестабильностью и неизбежностью кризисов. Предположение, что кризисы разного рода — это неизбежные этапы самоорганизации, ведущей к светлому будущему, слишком оптимистично. Об этом свидетельствуют те же «цветные революции», которые после свержения диктаторов к светлому будущему вовсе не привели. Тут нужна синергия, учитыва-

ющая связь нескольких параметров порядка, а этого, как правило, делать некому. Далеко не все бифуркации способствуют выживанию диссипативных систем в конкурентной среде, о чем свидетельствует и история земной биосферы. К развитию диссипативной системы ведут не любые, а только определенные воздействия. Например, действие вредных факторов при внутриутробном развитии нервной системы приводит к такой самоорганизации, которая влечет впоследствии грубые нарушения работы разных органов. Многие дефекты и неустойчивость ведут не к развитию, а к испытанию системы на живучесть. Именно это

и происходит с глобальным социумом, породившим угрозу собственному существованию.

Итак, полагаться на самоорганизацию нельзя по трем причинам. Во-первых, не имея достаточных данных и алгоритмов расчета, мы не в силах сопоставить принципиально важные цифры: время релаксации ресурсов Земли к состоянию, не совместимому с жизнью, и время релаксации земного социума к адекватной системе управления. В отличие от амёб и слонов, человечеству перебазируется пока некуда. Осознание этого обстоятельства побуждает как к поискам такой возможности, так и к мерам, отодвигающим катастрофу.

Во-вторых, именно рыночная самоорганизация приводит к уничтожению среды обитания глобального социума. Двигатель рынка — прибыль, а ее источник может быть любым, он слабо контролируется иными критериями. Наиболее живучи те локальные образования, которые чувствительны к вызовам рынка. В то же время эти вызовы формируются под воздействием совокупности случайных факторов, из которых вычлняются генерализованные направления. Сохранение жизни глобального социума к таким факторам не относится, наоборот, прибыль проще делать на «грязных» технологиях,

его убедят, а убеждают не те, кто озабочен жизнью и истинными потребностями человека, как его замыслил Создатель, а ловцы потребителя, озабоченные лишь его кошельком. В результате не только тоталитарные режимы, но и рынок прекрасно выстраивает «одинаковость» в предпочтениях. Главное — удовлетворение аппетита «базовой триады», а муки совести и потребности в культуре могут быть отодвинуты как вторичное и бесперспективное.

Наконец, в-третьих, с появлением человека миллионлетние ожидания эволюционной самоорга-

С появлением человека миллионлетние ожидания эволюционной самоорганизации перешли в динамичный целенаправленный процесс.

истреблении животного и растительного мира, продаже оружия и т.д. Рыночный маркетинг, подменяя истинные цели ложными, подбрасывает все новые и новые товары, в том числе ненужные, но работающие, например, на столь же ненужный имидж. Изобретение этого водоворота поддерживает существование 7 млрд людей, топит истинное предназначение человека и порождает смерчи конфликтов: между хижинами и дворцами, «историческими владениями», кланами, странами и культурами, религиями и традициями, человечеством и Землей. Поистине захватывающее занятие! Возьмите хотя бы торгово-психологический ажиотаж вокруг «черной пятницы» распродаж или даты 11.11.2011 — он захватывает, словно вор, который вместе с кошельком отбирает билет на спектакль под названием «Жизнь».

В контексте нашей темы «общество потребления» — это не эмоциональное, а управленческое определение. Общество потребляет то, в необходимости чего

низации перешли в динамичный целенаправленный процесс, управляемый всеядной активностью разума. Она сужает базу самоорганизации, вмешиваясь во все объекты земного бытия, включая деятельность носителей разума. Другой вопрос, насколько эффективны попытки упорядочить социум «поверх» самоорганизации. □

Окончание следует

ПЭС 11226/30.12.2011

Литература

1. Азинцев С.Е. Фононы: Собр. соч. В 3 т. Т. 1. Рязань: Пресса, 2006.
2. Фрейд З. Психология бессознательного. М.: Просвещение, 1989.
3. Ошо. Творчество. СПб.: Весь, 2004.
4. Фромм Э. Бегство от свободы. М.: Прогресс, 1990.
5. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. Т. 1–2. М.: Педагогика, 1989.
6. Азинцев С.Е. Озарения: Собр. соч. В 3 т. Т. 3. Рязань: Пресса, 2006.